

4.1. Цивилизация, современность и проблема кризисов

Системы цивилизации подвержены кризисам в силу своей структуры. Это не те ситуации, в которые попадает система периодически, в тех или иных условиях времени и места вследствие внутренних и внешних факторов. Система сама постоянно порождает депрессии (чрезвычайная форма которых является кризисом). Логика депрессии крайне проста. На базе экспроприированных социальных ценностей и прибавочной стоимости создаются авторитарные и в более официальной форме государственные классы, которые, внедрившись в структуру общества, в силу своей вооруженного и организованного характера демонстрируют тенденцию к постоянному укрупнению. Трудящиеся слои общества еле сводят концы с концами, рано умирают из-за болезней и войн, и вследствие этого в пропорциональном отношении их численность снижается в сравнении с государственными классами. Тем временем количество других слоев населения, являющихся механизмами государства и всевозможных властей, непомерно возрастает благодаря благополучному образу жизни и высокой рождаемости (династический характер первых государств сформировался на базе численно развитых семейств. Этого требовала политика силы). Такого рода взаимная дисгармония, имеющая систематический характер, и является кризисом. По мере того, как численно возросшие и усилившиеся государственные классы экспроприируют социальные ценности, само общество оказывается не в состоянии продолжить свое существование. Именно это и называется периодами депрессии.

Необходимы два пути, помогающие выйти из кризиса. Первый — это сила, уничтожающая конкурентов в ходе разгорающихся войн за идеологическую гегемонию и формирующаяся в виде нового гегемона. Считается, что эти новые силы, аннексировав имущество уничтоженных ими конкурентов, в течение некоторого срока, до появления новых конкурентов, относительно приостанавливают кризис. Второй путь, который во многом тесно сопряжен с первым, это достижение роста производства путем внедрения более эффективных методов производства, торговли и промышленного развития. Гегемонистская система, развивающая рост производства, приходит в состояние благоденствия, являющегося противоположностью кризиса. В древних цивилизациях кризисы наступали с гораздо более длительными перерывами и длились гораздо больше. История знает много примеров кризисов, длившихся от двухсот до тысячи лет. Каждый период глобального кризиса завершался, как правило, сменой династии и центральной власти. Эти процессы можно наблюдать на протяжении всей истории, начиная от цивилизаций Шумера и Египта. Кризисы в эпоху Средневековья проявляли аналогичные свойства, но сроки уже заметно

сократились. Это были широко распространенные депрессии протяженностью в среднем в сто или сто пятьдесят лет.

Кризисы капиталистической системы, развиваясь в общем русле, тем не менее, проявляют индивидуальные особенности. В этой системе денежный фактор и торговые монополии изначально играли серьезную роль. Их интерес к производству имел ограниченный характер. В сравнении с этим в экономике деньги использовались более широко, и роль денег возросла в связи с товаризацией торговли и обретением особенностей господствующего фактора. Со временем финансово-торговая монополия концентрируется в руках одной малочисленной силы. В такой ситуации наступает спад покупательной способности общества вследствие отсутствия денег. Поскольку возникший излишек производства остается невостребованным, наступает первое состояние кризиса, каковым является кризис перепроизводства. С одной стороны, непроданный излишек производства уничтожается, с другой стороны, от нищеты и голода повсеместно умирают трудящиеся, лишенные покупательной способности вследствие отсутствия у них денег. В кратчайшие сроки начинается обратное явление. Производство, не приносящее денег, заметно падает. Наступает разрыв связи между скопившимися в определенных сферах деньгами и производством. Возникает ситуация, когда при наличии больших денег существует минимум производства. Возрастающая дороговизна жизни (инфляция) становится новым состоянием кризиса. Пути выхода из обоих типов кризиса, помимо традиционных войн за гегемонию, пролегают через создание определенной оплачиваемой прослойки путем увеличения государственных затрат, что завершается стремлением компенсировать излишек и недостаток производства. В течение последних четырехсот лет капитализма такого рода кризисы имели распространенный и тесно сопряженный друг с другом характер. Сроки протекания этих кризисов несколько укоротились, и кризисы стали длиться от пятидесяти до ста лет.

Войны за гегемонию обрели несравнимый с другими эпохами более масштабный, жесткий и длительный характер. Монополии, участвующие в войнах, имели уже национальный и транснациональный характер. Таким образом, впервые за всю историю человечество столкнулась с войнами мирового масштаба, хотя на этом фоне никогда не прекращались войны локального и регионального характера. Однако страшнее всего то, что последовательно милитаризуемое национальным государством общество превращалось в поле боя. Так, современные общества правильнее всего было бы назвать состоянием войны, что навязывается им по двум каналам. Первый канал: механизмы государства и власти, просачиваясь во все сферы общества, буквально обволакивают его своими сетями, устанавливая тотальное наблюдение, контроль и давление, что является наиболее реальным путем. Второе — это подмена реального общества виртуальным, что осуществляется по каналам коммуникативной технологии (медиа-монополии), совершившей качественный скачок за последние полвека. Оба состояния войны можно назвать последовательным истреблением общества. Наряду с геноцидами, которые в прошлом осуществлялись даже в более ограниченной форме, эта новая форма истребления общества своим масштабным и постоянным состоянием буквально подготавливает почву для уничтожения природы. Может быть, тогда жизнь будет продолжена существами, напоминающими человеческую особь, но только это будут толпы фашистов. Панорама подобного истребления общества, будучи гораздо тяжелее геноцидов, проявляет себя на

фоне утраты всем обществом своего нравственного и политического характера. Эти реалии подтверждаются на примере возникновения толп людей, не ощущающих никакой ответственности за самые тяжкие социальные и экологические бедствия. Нельзя отрицать того, что наступила ситуация, перешагнувшая за рамки депрессий и кризисов. Пусть и в виде повтора, но было бы поучительно ради сохранения целостности изложения дать краткий анализ событий, которые привели к подобной ситуации.

А

С момента создания первых иерархий власти и государственного господства до наших дней история в каком-то смысле является кумулятивным ростом власти, подобно нарастающему снежному кому. История полна войн за власть, время и место которых, собственно говоря, и являются сущностью истории цивилизаций. Все войны, локальные и мировые, родоплеменные и национальные, классовые и религиозные — завершались расширением, кумулятивным ростом власти. Расширение власти означает развитие классов, паразитирующих на социальных ценностях. Изначально управление, сформировавшее ограниченную иерархию, порой, благодаря своему мастерству и опыту, вносило собственный вклад в развитие общества, и, реформируясь в государство, превратилось в касты. Сохраняя династические качества и организовываясь в качестве привилегированных классов, эти кастовые группы добились привилегий вплоть до того, что возомнили себя божественными созданиями. Древняя история полна богов-царей и императоров, свидетельствующих том, что власть постоянно росла и возвышала себя именно при помощи таких идей. Триада в лице жреца, правителя и военного вождя, организовавшаяся в виде классов власти и государства, даже в этом состоянии являлась ограниченным кланом, представляя собой очень небольшую долю населения общества. Но они превратились в тяжкий груз на сердце общества, что стало началом паразитирования — это нам известно из многочисленных примеров. Характер вышеупомянутого груза ясно раскрывается на примере пирамид, храмов и арен.

В эпоху Средневековья темпы роста власти совершенно не уменьшились. Распространившаяся на более широкие сферы история включала в себя бесчисленные войны за власть. В данном случае причиной, несомненно, служить возрастающая рентабельность общества. К королевским династиям добавились широкие слои знати, класс. Несмотря на это, в тот момент правящий класс еще не превратился в злокачественную опухоль на теле общества. Беда наступила тогда, когда буржуазия и бюрократия среднего класса, разрушая и преобразуя монархическую и аристократическую структуру, начала преобразовываться и превращаться в правящий класс. Несомненно, и предыдущие власти тоже можно назвать бедствием, но они не были в состоянии полностью проглотить общество, поскольку этому не способствовал ее количественный и качественный уровень. То, что вместе с высшими монополистическими слоями буржуазии к власти стала приходить значительная часть средней буржуазии и бюрократии и их превращение в государственные классы привели к такой ситуации, когда вместо нескольких древних династий и монархических дворов появились тысячи, десятки тысяч новых династий. Это соответствует по смыслу тому, что вместо одного на тронах восседают тысячи королей. Слияние таких факторов, как господство мужчины в обществе половой дискриминации с этими новыми «монархами»

означает захват и колонизация всей социальной природы. Все слои нравственного и политического общества, в первую очередь женщины, стали жертвами этой колонизации.

Проникание среднего класса в государство до сих пор еще не раскрыто в силу того, что у социологии сохраняются коренные связи с этим классом. Чтобы государство имело какой-то смысл для общества, необходимо действие с обязательным проявлением мастерства и опыта. Нетрудно понять, что мастерство и опыт управления присущи только очень ограниченному кругу людей. Но если представлять непомерно раздутую массу, а также саму буржуазию и бюрократию в качестве государственного правящего класса, то ясно, что это сделает неизбежным разрастание власти в виде злокачественной опухоли на теле общества.

Власть стала всем, полностью слилась с национальным государством, представляющим собой объединение с механизмами власти монополий экономической эксплуатации и идеологической гегемонии. Тем временем общество превратилось в ничто. В этом и заключается смысл явления, называемого кризисом власти. Капиталистическая система является порождающей силой этого кризиса. Капиталистические сети с их «озверевшим» средним классом и финансовыми монополиями, не знающими пределов в расширении за счет экономики, может продолжить свое существование только в том случае, если власть найдет свое воплощение в форме национального государства. Это явление называется застопориванием системы. Становление власти отражает ситуацию, которая хуже кризиса.

Б

Нравственное и политическое общество, являющееся нормальным состоянием социальной природы, в условиях современной эпохи, как никогда в истории, находится лицом к лицу с проблемой лишения всех своих основных качеств. Нравственное и политическое общество, развивавшееся в эпоху Древнего мира и Средневековья в противовес государству, с наступлением современного капитализма вынуждено очень быстро уступить свои позиции беспредельно разросшимся статьям позитивного права. В условиях современности нравственные и политические качества общества уступили свое место массе, превратившейся в некое стадо, и его гражданам, ничего из себя не представляющим и превратившимся в муравьев.

То, что не несет в себе никакой нравственной и политической нагрузки, всего лишь на словах называется современным гражданином, и, напротив, представляет собой наиболее слабый период личностного становления. Связь такого гражданина с обществом ограничивается его же женой, над которой он установил свою «императорскую» власть. Сам гражданин — это безличное существо, растворившееся во власти и государстве настолько, что это не идет в сравнение даже с эпохой фараонов. Точнее, под физическим, идеологическим, гегемонистским и информационно-техническим давлением гражданин не просто сдался монополистской системе, но безусловно и добровольно превратился в его участника, фашиста. Это — явление, которое я назвал кризисом личности. Социальная природа не может состоять из таких людей, потому что природа общества имеет нравственный и политический характер. Но у данного рода личностей этих качеств днем с

огнем не найти. Государства могут сосуществовать с такими людьми, но ни одно общество не может иметь их в своих рядах. Точнее говоря, эти люди отражают полное забвение социума.

Но поскольку государство не может существовать без общества, то мы наблюдаем ситуацию сопряженного взаимного кризиса государства и общества. Состояние безличных граждан, до которого дошел капиталистический индивидуализм, — это ничто иное, как следствие кризиса и общества, и государства. Ясно, что если бы общество и личность не были доведены до такого состояния, то не было бы возможным существование монополий капитала и власти, и национального государства, являющегося их объединенной государственной формой. Общественный кризис — это состояние, гораздо худшее, нежели структурный кризис. Вместо одной структуры может быть построена новая. Утрата основных качеств, являющихся условием существования общества, не может быть восстановлена реконструкцией. Эта ситуация требует коренной трансформации нравственного и политического общества. Трудность состоит в этом.

В

Урбанизация является одним из порождающих кризис элементов современности. Городское общество, развивающееся в диалектическом единстве с сельским земледельческим, выполняло значительные социальные функции. Оно сыграло общественную роль в развитии рационализма и индустрии, у которой еще не развились противоречия с окружающей средой. Роль города исказилась в период становления государственности. Город стали превращать в базу правящего класса, и в течение определенного исторического периода город был наделен практикой и мировоззрением и идеологией, направленными против сельского земледельческого общества. Вместе с производящим классом, в силу центральных позиций торгового класса оно пострадало от действий, направленных против общества. Эти негативные деяния, имевшие ограниченный характер в ранние века и Средневековье стали расти, как снежный ком, в современную эпоху. Города, на волне промышленного переворота увеличивающиеся, подобно злокачественной опухоли, начали превращаться в центры распада традиционного общества. Промышленный город перестает быть городом — это своего рода дезурбанизация. Не только миллионные города, но и города с сотней тысяч населения уже противоречат логике построения города. В сущности, не должно быть города с миллионным населением. Да, существуют миллионные города, но если есть город с пятимиллионным населением, значит, в нем умещаются, по меньшей мере, пятьдесят городов. Разрушительные качества города в отношении всего общества кроются именно в этой их особенности. Такого рода города не может вынести на себе нормальное общество, а окружающая среда такого вообще не выдерживает.

Логика, кроющаяся под численным ростом, сводится к колонизации некапиталистических обществ, расширению власти и вознесении среднего класса на правящие позиции. Все три фактора формируются на почве ликвидации нравственного и политического общества. Речь идет не только о ликвидации сельского земледельческого и кочевого обществ, но и о том, что это влечет за собой ликвидацию материальной и духовной культуры деятелей искусства, ремесленников, интеллигенции и других трудящихся слоев, представляющих

собой традиционных носителей положительных функций. Город осуществляет переход от своего общества к городской массе. Что касается сельского общества, то оно больше частью переносится на пригорода и превращается в подконтрольную колониальную территорию. Государство и монополия капитала поглотили город, а тот, в свою очередь, поглотил село. Общество, уже не являющееся, в сущности, таковым, поглотило окружающую среду. Поскольку уже не осталось ни сельского общества, ни окружающей среды, ни традиционного городского трудящегося класса и интеллигенции, способных вынести на своих плечах заботы города, образовалась ситуация, во многом превосходящая кризис.

Не только экологические бедствия, но и реальное уничтожение общества тесно связаны с патологическим разрастанием городов. Это является общим выводом всех наук, касающимся того, что многочисленные города, рост которых не может вынести не только конкретный регион, но и целая страна, нанесли экологическому балансу смертельный удар. Что касается уничтожения общества, то это — ткань нравственного и политического общества, разрушенного разрастающимся, как опухоль, правящим средним классом. Это безработные массы, толпа безответственных граждан.

Г

Последовательно растущая гегемонистская сила монополий, являющихся антиподами экономики, подвергая экономические источники угрозе накопления прибыли и капитала, фактически отдалили их от функций удовлетворения насущных потребностей общества. Системные кризисы капитализма доказывают то, что он является не наиболее результативной системой, как это принято считать, а является монополией, противостоящей экономике. Несмотря на все противоречащие тезисы политэкономии, влияние сетей капиталистических монополий невиданными за всю историю темпами превратило экономику из системы, производящей основные человеческие ценности, в систему, обеспечивающую постоянное накопление прибыли-капитала. Научно-технический прогресс обладает параметрами, позволяющими легко удовлетворить насущные человеческие потребности. Правильно управляя экономикой, спокойно применяя науку и технику, можно удовлетворить эти потребности. В таком случае система накопления прибыли-капитала не позволит экономике развиваться, поскольку это грозит ей опасностью. Она просто вынуждена противостоять экономике.

Системные и структурные кризисы следует искать именно в плоскости этих реалий. Депрессии и кризисы, постоянно дающие о себе знать, прежде всего, в форме невиданной за всю историю безработицы (кстати, история крайне редко упоминает о безработных рабах и крепостных крестьянах), бедности и голода, а также недостатка производства и перепроизводства (при различной степени насилия), активизируют войны и столкновения, являющиеся традиционными для них орудиями решения проблем, делают их долговечными и формируют на этой базе своего рода режим кризисного управления. Противостояние экономике нуждается в обязательном кризисном управлении. Другого управления быть не может. Следует четко осознать, что национально-государственное управление является ненормальным режимом кризисного управления. Лишение общества собственной идентичности и превращение его в фашиствующие массы — метод, присущий не только

Гитлеру. Это связано с милитаристским характером национального государства. Поскольку другими путями продолжать развитие монополистической системы невозможно, национально-государственное управление, являющееся максимальной формой концентрации власти, окружающей все общество и просачивающейся во все его сферы, неминуемо становится режимом кризисного управления. Формирование нации является для них целью второстепенной, но национализм вместе с другими идеологическими элементами — святая святых этого стиля управления.

Востребованным стилем анализа ситуации применительно к капиталистическим монополиям является дифференциация торговых, промышленных и финансовых кризисов. Кроме того, теории и заявления на тему «кризис порождает благоденствие» совершенно не в состоянии прояснить суть системы. Реальную суть системы не могут отразить такие повороты, как центр-периферия, гегемония-конкуренция и кризис-благоденствие. Несомненно, все эти реалии имеют место. В частности, верным является утверждение о том, что эволюция гегемонии финансовых монополий отражает период, которому наиболее свойственно переживать кризис. Но очень важно развивать рассуждения, понимая, что все эти реалии не могут иметь особого смысла без осознания того, что система является антиподом экономики.

Д

Отнюдь не случайно то, что экологический кризис буквально взорвался в период современности. Это связано с противостоянием системы экономике. Он имеет структурный характер. Биологический баланс в основном поддерживается за счет симбиотических отношений между видами. Часть универсального интеллекта, выпавшая на долю биологии, обеспечила развитие этого процесса. Мы постарались охарактеризовать жизнь как постоянное дифференцирование и развитие различий. Биологический баланс связан с этим правилом. Я коснулся также зависимости процесса возникновения различий от способности обрести свободу и умение выбирать. Микромир (мельчайшие частицы энергии и материи, пакеты) и макромир (астрономической величины острова энергии и материи) действуют по аналогичной системе. Невозможно подвергнуть допросу причинный характер стилей взаимоотношений, развивающих различия. На сегодняшний день мы довольствуемся тем, что «это так, потому что это так». Возможно, недостаток знаний и неверное понимание науки лишают нас возможности познать истину.

Социальная природа человека в ракурсе связей с окружающей средой подчиняется этому закону. Вместе с тем, в силу самого гибкого мышления человек является самым развитым видом, владеющим способностью выбора и свободы. Антиэкономические монополии капитализма входят в столкновение с этими правилами. Подобно тому, как они превратили симбиотические взаимоотношения в максимальную степень господства и власти во внутренней структуре общества, экологическая связь с окружающей средой стала взаимоотношениями, необходимыми для покорения природы и ее порабощения. Почти так, как это происходит у мхов-убийц или каких-то иных аналогичных видов, монополии стремятся взять всю окружающую среду под свое одностороннее господство. Монополии превратились в чудовище с огромным телом – Левиафана. Система, основанная только на

накоплении прибыли-капитала, не может действовать никак иначе. Если она будет действовать в противном направлении, то есть примерит на себя стиль симбиотических связей, то правило извлечения прибыли не будет работать. Система вынуждена будет преобразоваться.

Природа, окружающая среда, несмотря на имеющееся обратное мнение, находятся в гармонии со своей собственной логической системой. Мнение о нахождении в плену слепых сил является ошибочным. Это хрупкое соотношение разрушают система цивилизации и, более того, современные монополии и механизмы господства. Нездоровый рост среднего класса, превращающегося в фактор власти, схожий со злокачественной опухолью рост городов, являющихся основными сферами жизнедеятельности, связывание всего мира в цепи национального государства — вот истинные социальные причины кризиса окружающей среды. Она способствует этому, превращая в господствующие и колонизаторские отношения уже существующие симбиотические связи с социальными образованиями, наделенными наиболее гибким мышлением, а также с окружающей средой. Именно поэтому между социальным кризисом (уничтожением общества) и экологическим кризисом существует очень тесная связь. Кризисы в обеих сферах постоянно служат пищей друг для друга. Если прибыль монополии обязательно приводит к росту населения, безработице, голоду и бедности, то этот же самый демографический взрыв вынужден подвергнуть окружающую среду угрозе разрушения во имя преодоления безработицы, бедности и голода. Леса, растения, мир животных оказываются перед серьезной опасностью.

Несомненно, такая ситуация оборачивается еще большей прибылью для монополий. Пока продолжается это преобразование (например, если население достигает 10 и еще больше миллионов), полностью нарушается мировой баланс. Именно так происходит ожидаемый конец света. Подобно тому, как здоровая и злокачественная стороны расширения на клеточном уровне сталкиваются между собой и приводят к онкологической опухоли и смерти, таким же образом рост монополярной прибыли, препятствуя здоровому росту прибыли (на всех уровнях социальной природы), провоцирует ненормальное развитие обществ и природы. Медицинским путем можно объяснить и то, что биологические раковые заболевания, свойственные человеку, развиваются как следствие этих социальных злокачественных опухолей — у человека, у которого выше всех уровень гибкости мышления, стремление к свободе и умение выбирать, во всяком случае, не меньше, чем у муравья. Но если в природе невозможно встретить муравья, который ничем не занимается, то справедливо ли то, что человек с его современным уровнем мышления оставлен без работы? Если правило извлечения прибыли не будет соблюдаться, тогда достаточно одних экологических перераспределений, чтобы самостоятельно искоренить безработицу. Занятость экологического характера, с одной стороны, спасает окружающую среду, с другой стороны, может окончательно покончить с безработицей. Можно найти сотни таких сфер, но, не имея прибыли согласно закону максимальной прибыли, их лишают работы. Взаимоотношения между экологической ориентацией и системой крайне очевидны и не могут дальше продолжаться.

Либерализм, являющийся гегемонистской идеологией системы, ни в классической, ни в «нео» форматах не могут выработать решение. Либерализм, семантический смысл которого означает «свобода», является понятием с жестким релятивизмом. Для одного человека или группы либерализм создал рабство вместо свободы или же создал рабовладельческий класс, обладающий максимальной свободой, подобно богам-царям Древнего мира. Появление средневековой знати стало возможным только путем порабощения широких масс сельчанкрепостных. Либерализм для буржуазии Нового времени развивался в тесном переплетении с эксплуатацией рабов новой эпохи, каковыми стали пролетарии, батраки и другие трудящиеся слои, нанимаемые за минимальную плату. Если в официальном смысле либерализм для всех классов национального государства является свободой, то для граждан, являющихся современными слугами, он оборачивается безработицей, неоплачиваемым трудом, бедностью, голодом, неравенством, отсутствием свобод и ущербностью демократии. Следует обратить серьезное внимание на то, что либерализм не является свободой в обязательном смысле. Гегель считал государство лучшим средством обретения свободы. Но в итоге получилось так, что эта самая свобода действительна только для государственных классов и бюрократии. Иными словами, если для экономических и авторитарных монополий (избранных) это свобода, то для всех остальных это – самое настоящее рабство.

Большое значение имеет признание либерализма в качестве идеологии. Для определения недостаточно назвать его только индивидуализмом и стремлением к свободе. Как понятие оно вышло на историческую арену вместе с равенством и братством во времена Великой Французской революции в виде знаменитого лозунга «Свобода — равенство — братство!». Как важнейший тезис оно нашло союзников: справа — консерваторов, и слева — сначала демократов, затем социалистов. Поскольку система либерализма (капиталистический монополизм) не ощущала необходимости в революционных переменах, был придуман такой умеренный термин, как «эволюционное развитие». Консерваторы были противниками любых перемен, революционных или эволюционных. Они с остервенением защищали монархию, семейственность и церковь. Что касается социалистов и демократов, то они считали революции необходимыми для того, чтобы перемены осуществлялись быстрее. Общим знаменателем для них всех была эпоха капиталистической цивилизации. Несмотря на некоторые претензии, каждый считал, что вносит свой вклад в модернизацию общества. Переживать перемены в самых общих чертах было достаточно для того, чтобы считать жизнь современной. Современная жизнь, основы которой были заложены в европейских городах, а ускорение набрано во времена Возрождения, Реформации и Просвещения, представляла собой общее восхождение трех основных идеологий. Проблема замыкалась в том, кто, какие идеологии и партии, методы и практика, акции и войны смогут лучше освоить это развитие.

Либерализм очень хорошо определил эту ситуацию. Понимая, что современность и сейчас развивается под эгидой капитализма, и в дальнейшем будет развиваться так, он не преминул мастерски сыграть в игру с правыми и левыми идеологиями и образованиями. Либералы разделились на правых и левых. Нейтрализовав при помощи правого либерализма консерваторов и превратив их в отдельное крыло в собственных рядах, при помощи левых либералов они частично превратили демократов и социалистов в свою подсобную силу. Именно так либерализм утвердился на центральных позициях. При каждом углублении

кризиса они могли усиливать свои позиции, манипулируя имеющимися силами. На всем протяжении кризисного управления развивались такие процессы, как превращение знати в буржуазию и пополнение рядов социал-демократов прослойкой наемных рабочих. Для этого было достаточно малой толики монопольных прибылей. Оппозиционеры системы XIX–XX вв. таким способом были не только нейтрализованы, но и превращены в подсобную силу для управления кризисной структурой во все времена. Именно так строилась идеологическая гегемония либерализма.

Для продолжения своей идеологической гегемонии либерализм воспользовался четырьмя важными идеологическими вариантами.

1. Эффективное использование национализма. Как в легализации внутренних и внешних войн, так и в формировании нации руками государства национализм был любимым союзником либерализма. Он создал первое эклектическое звено. Он овладел серьезным опытом в плане воспламенения национальных чувств при помощи которых преодолевал самые тяжелые кризисы. Национализм был облачен в одеяния священной идеологии в религиозном смысле. Под этим покрывалом не только легко преодолевались и развивались кризисы, но, с другой стороны, монополии могли легко завалуировать под ней свои системы самой тяжелой эксплуатации.

2. Национализму была предана роль традиционной религиозной идеологии. Либерализм национализировал под знаменами своей идеологии традиционные религии, лишив их нравственных и политических особенностей. Точнее, он довел их до состояния национальных религий. Легко окрасив в национальные цвета религиозные чувства, глубоко укоренившиеся в обществе, при помощи национализма он сыграл ту же, даже гораздо большую цементирующую роль. Тесно переплетая иногда друг с другом две идеологии, они старались построить общество на этнически-религиозной основе. В особенности, иудейская и исламская идеологии легко отождествились с национализмом. Другие религии (христианство, верования Дальнего Востока, древние религиозные традиции Африки) тоже не отставали в усвоении аналогичных ситуаций. Таким образом, либерализм, используя религиозные каналы, перенес духовное наследие цивилизации в капиталистическое общество, которое до этого уже переняло материально-культурное наследие цивилизации. Нельзя игнорировать роль религиозно-национальных идеологий, присоединившихся к либерализму, в преодолении обретших невыносимые масштабы кризисов системы.

3. Идеология позитивистской научности внесла серьезный вклад в развитие либерализма, в частности, в качестве философского варианта. Позитивистская идеология, пользующаяся серьезным доверием к естественным наукам, сыграл главную роль в воздействии и на правые и на левые идеологии. Будучи легко прикрепленной к идеологиям в виде научного ярлыка, он способствовал чудовищным заблуждениям. В частности, позитивистский сциентизм оставил свое клеймо на всей деятельности левой идеологии. В этом смысле социалистическая система играла предводительскую роль. Общество попало в капкан современного капитализма усилиями позитивистского сциентизма. Справа был фашизм, набиравший обороты на почве позитивистского сциентизма. Таким образом, позитивизм предоставлял для либерализма идеологический выбор в самой широкой панораме от крайне левых до крайне правых. Используя этот выбор в любых условиях места и времени с

помощью присоединения к себе либерализм извлекал максимальную выгоду из процесса преодоления структурных кризисов системы.

4. Женская дискриминация больше всего в истории использовалась как идеологический фактор именно в эпоху либерализма, который, перенея традиции общества половой дискриминации, не остановился на превращении женщины в домработницу, чей труд не оплачивается. Более того, превратив женщину в объект половых устремлений, либерализм вывел ее на рынок. Если применительно к мужчине имела место коммодификация его труда, то в случае с женщиной в товар превращались и тело, и душа. В сущности была создана самая страшная форма рабства. Если замужняя женщина становится объектом ограниченной эксплуатации, то полное превращение в товар означает порабощение, что гораздо хуже рабства в эпоху фараонов. Быть в рабстве у всех гораздо опаснее, нежели быть рабом государства или конкретного человека. Это и есть ловушка, устроенная современностью для женщины. Женщина, которая с виду открыта для свободы, превращается в средство самой подлой эксплуатации. Женщина является основным средством эксплуатации в рекламе, сексуальной и порнографической индустрии. Могу совершенно откровенно сказать, что в процессе развития капитализма женщина оказалась под самым тяжелым прессом.

Мужчина, представляющий государство в границах семьи, считает, что он наделен ответственными полномочиями по эксплуатации женщины и осуществлению власти над ней. Распространяя традиционное давление на женщину, государство превращает каждого мужчину в частичку власти. Общество таким путем вступает в синдром максимального усиления власти. Статус женщины придает обществу, в котором господствует мужчина, чувство безграничной власти. С другой стороны, женщина, именно женщина страдает во всех случаях, и в наемной работе, и безработице, неоплачиваемой работе и работе с минимальной оплатой. Характерная для либерализма эклектическая идеология женской дискриминации искажает ситуацию и представляет ее в другом виде. Более того, она превращает ситуацию в идеологическое варьете, тщательно разрабатываемое для женщин. Это — то же, что и установление рабства для самой себя собственными руками. Можно сказать, что система, эксплуатируя женщину в материальном и духовном отношениях, не только преодолевает самые тяжелые кризисы, но и обеспечивает собственное существование. Женщина является самой древней и самой новой эксплуатируемой «нацией» в истории цивилизации, в особенности, современного капитализма. Если мы говорим о совершенно невыносимой в любом отношении кризисной ситуации, в этом основное значение в первую очередь имеет чудовищное закабаление женщины.

Мировая капиталистическая система, в частности, в границах гегемонии всемирных финансовых монополий переживает не только глобальный системный кризис, но и кризисы, характерные для финансовой системы. Это обусловленный антиэкономическим характером общий системный кризис в тесном переплетении с сугубо финансовыми кризисами, представленными различного рода виртуальными бумагами и прочими аргументами, оторванными от производства денег, золота и даже доллара, переживает самую тяжелую за всю историю времена. До сих пор система в основном преодолевала кризисы двумя путями. Первый путь — это постоянно наращиваемые механизмы материальной силы власти и

национального государства. Это всевозможные войны, тюрьмы, лагеря, пытки, гетто, неправомерное помещение в психиатрические лечебницы и, что самое опасное, геноцид и истребление обществ. Второй путь — это преодоление кризисов при помощи механизмов гегемонии либеральной идеологии, которые постоянно развиваются. Как господствующая идеология в центре располагается сам либерализм и его «добавки» в виде национализма, фундаментализма, сциентизма и сексизма. В промежутках находятся школы, казармы, религиозные учреждения, средства массовой информации, университеты и, наконец, сети Интернета. Сюда же надо добавить и превращение искусства в культурную индустрию.

Даже рядовые ученые соглашаются с тем, что оба эти пути вместо того, чтобы найти конструктивное решение, больше всего развивают кризисное управление. Депрессии и кризисы преодолеть не удастся, даже в той же степени, как это было раньше. Напротив, если депрессии и кризисы, возникающие как исключение, обретают постоянный характер, то нормальные периоды, уже став исключением, начинают меняться местами между собой. Несмотря на то, что в основе всех систем цивилизации лежат признаки депрессии, человечество еще не сталкивалось с такой тяжелой депрессией. В случае длительного продолжения кризисного управления общества этого не вынесут. Их ожидают или распад, или раздробление. Еще один вариант — они могут восстать и привести к возникновению новых систем, что и поможет преодолеть эту ситуацию. Сейчас мы переживаем именно такой период.

Версия #1

Зверобой создал 14 января 2026 23:14:49

Зверобой обновил 14 января 2026 23:26:23